

ИХТИОНИМЫ В СОСТАВЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ*

Н. А. Николина

*Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Россия)*

З. Ю. Петрова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. В статье на материале русской художественной речи XIX – XXI вв. рассматриваются метафоры и сравнения, включающие ихтионимы (названия рыб). Для анализа привлекаются компаративные конструкции, которые служат для образной характеристики человека. При этом используются контексты, извлеченные из “Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв.” и Национального корпуса русского языка. Показано, что для русской художественной речи характерно разнообразие метафор и сравнений, включающих ихтионимы. Они служат для обозначения различных аспектов поведения человека, его внешности и внутреннего мира. Наряду с общеродовым обозначением – рыба – и его дериватами в художественных текстах регулярно используются видовые названия рыб, каждое из которых по-своему характеризует персонажа или лирического героя. Компаративные тропы с рассматриваемыми компонентами широко представлены как в русской прозе, так и в поэзии. Отмечается, что метафоры и сравнения с ихтионимами отражают особенности русской языковой картины мира. В их составе преобладают названия рыб, издавна известных носителям языка. Наименования рыб в составе компаративных конструкций выделяют устойчивые признаки, которые используются в художественных текстах для образной характеристики человека. Обозначения рыб в компаративных конструкциях вступают в оппозиции, значимые как для общеязыковой картины мира, так и для метафорической картины мира в художественном тексте. Описание структуры и семантики компаративных конструкций и их классификация позволяют проследить динамику их использования в русской художественной литературе на протяжении двух с лишним веков.

Ключевые слова: метафора, сравнение, образная характеристика, наименования рыб, компаративная конструкция, русская художественная речь, оценка.

***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00009.**

ICHTHONYMS IN THE COMPOSITION OF ANTHROPOCENTRIC COMPARATIVE CONSTRUCTIONS OF THE RUSSIAN LITERATURE*

N. A. Nikolina

*Moscow State University of Education
(Moscow, Russia)*

Z. Yu. Petrova

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS
(Moscow, Russia)*

Abstract. *The article considers metaphors and similes including ichthyonyms (names of fish). The research is based on the material of the Russian literature of the 19th – 21st centuries. The authors analyze comparative constructions, which serve to characterize a person. The work studies the contexts extracted from the "Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of the 19th – 20th Centuries Russian Literature" and from the Russian National Corpus. The article shows that the language of the Russian literature uses a variety of metaphors and similes that contain ichthyonyms. They serve to indicate various aspects of human behavior, human appearance and inner world. Along with the generic name – fish – and its derivatives, the specific names of fish are regularly used in literary texts; each of these names characterizes a character or a persona in its own way. Comparative tropes with the components under consideration are widely represented both in the Russian prose and in poetry. The authors note that metaphors and similes containing ichthyonyms reflect the peculiarities of the Russian linguistic world image. Well-known to native speaker's names of fish dominate in these constructions. The names of fish in the composition of comparative constructions highlight stable features that are used in literary texts for the figurative characterization of a person. The designations of fish in comparative constructions enter the oppositions that are significant both for the general linguistic world image and for the metaphorical world image in a literary text. The description of the structure and semantics of comparative constructions and their classification make it possible to trace the dynamics of their use in the Russian literature over more than two centuries.*

Keywords: *metaphor, simile, figurative characteristic, names of fish, comparative construction, Russian literature, evaluation.*

*** The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00009.**

Введение

Ихтионимы, так же, как и зоонимы, являются “зеркалом мира людей, соответственно <...> обретают свойства эталонных носителей тех или иных индивидуальных или социальных характеристик человека” [3, с. 8]. Между тем ихтионимы как средство образной характеристики, в отличие от зоонимов, которые достаточно детально исследованы как в русском литературном языке, так и в художественной речи (см., например, [5, с. 100–103; 11; 8; 15; 12; 9]), изучены недостаточно. В русистике исследовались преимущественно история ихтионимов, их состав и использование в составе фразеологизмов [2]. В лингвокультурологических словарях отмечаются лишь немногочисленные примеры фразеологизмов и устойчивых сравнений: как рыба в воде, молчать (нем), как рыба, мелкая рыбешка, нужен как рыбе зонтик, ловить рыбу в мутной воде, рыба кровь [10, с. 312–314]. В художественной речи ихтионимы гораздо шире употребляются в составе метафор и сравнений, при этом используются не только родовое слово рыба, но и разнообразные видовые обозначения (акула, сом, стерлядь, треска, щука, налим, пескарь и др.). В славянском фольклоре в основном встречались образы щуки, ерша и золотой (златоперой) рыбки. Позднее устойчивый характер приобрело употребление отдельных названий рыб, например, метафор с компонентом акула.

Цель нашей статьи – рассмотреть компаративные тропы, в состав которых как образ сравнения входят различные наименования рыб. В работе анализируются метафоры и сравнения в русской художественной речи XIX – XXI вв., в разных аспектах характеризующие человека, который занимает центральное место в языковой картине мира. Как подчеркивала В. Н. Телия, составляющие языковую картину мира элементы служат средствами для формирования новых понятий, перерабатываемых сознанием человека, который создает новые образы элементов действительности [13].

Методика исследования

Для анализа привлекаются контексты, извлеченные из базы данных создаваемого в настоящее время в Институте русского языка им В. В. Виноградова РАН Интерактивного словаря компаративных тропов русской литературы, при формировании которой использовались “Материалы к словарю метафор и сравнений

русской литературы XIX-XX в.” [6] и Национальный корпус русского языка [7]. Проанализировано около 700 таких контекстов. В ходе исследования применялись описательный и структурно-семантический методы.

Анализ

Наиболее часто в русской художественной речи как образ сравнения при характеристике человека используются слово *рыба* и производные от него существительные *рыбка*, *рыбочка*, *рыбешка*, *рыбина*, а также метафорический эпитет *рыбий* и наречие *по-рыбьи*: *В гибком зеркале природы Звезды – невод, **рыбы** – мы, Боги – призраки у тьмы* (В. Хлебников “Годы, люди и народы...”), *Она резва, как **рыбка*** (А. Фет “Она резва...”), *со второго же завтрака славный “месяц” меня схватывал, точно **рыбешку** крючком* (А. Белый “Между двух революций”), *Все-таки платье получилось мешком, и портниха без конца убирала его, напялив на Софью Андреевну швами наружу, и одутловатая невеста в этих перестроченных швах походила на **рыбину** с колючими плавниками* (О. Славникова “Стрекоза, увеличенная до размеров собаки”), *<...> со всегдашним легким астматическим пыхтением, округлив **по-рыбьи** рот, она наотмашь раскрывала тетрадку* (В. Набоков “Другие берега”), *<...> у нее были незнакомые **рыбы** глаза* (М. Вишневецкая “Вышел месяц из тумана”).

Метафоры и сравнения с указанными компонентами характеризуют движения человека, его действия, свойства характера и поведения, внешность, части тела. При характеристике движений особенно часто используются предикаты *плавать*, *биться*, *метаться*: *– Парубок, – говорила она, и что-то неизъяснимо трогательное слышалось в её речи. – Парубок, найди мне мою мачеху! <...> я знаю, но я слышу, что она здесь. Мне тяжело, мне душно от ней. Я не могу чрез неё **плавать** легко и вольно, как **рыба**. Я тоню и падаю на дно, как ключ. Отыщи её, парубок!* (Н. Гоголь “Майская ночь, или Утопленница”), *<...> чтоб не **биться**, подобно трепещущей **рыбе**, В заколдованном неводе горькой тоски* (Р. Ивнев “Каждый носит в себе и спасенье и гибель”), *Поднялися рад не рад, Закружились стар и млад, **Заметалися** в тоске, Словно **рыбы** на песке* (А. Герцык “Уж ты мать сыра земля...”). Образная характеристика физического состояния человека часто описывается при помощи сравнений *ловить (хватать) ртом воздух, как рыба*; *открывать, раскрыть, разевать рот, как рыба (по-рыбьи)*; *дышать, задыхаться*: *На тротуаре в двух / шагах от гостиницы, **рыбой**, попавшей в сети, / путешественник **ловит воздух** раскрытым **ртом*** (И. Бродский “Частная жизнь. Рваные мысли, страхи...”), *Беспомощно и немо, как **рыба**, **открывал и закрывал рот**, будто пытался проглотить что-то и не мог, и только горбатый кадык конвульсивно сотрясался под дряблыми складками кожи* (Б. Васильев “Были и небыли. Книга 1”), *И я **дышал** как **рыба** на песке, Глотая твердый, слюдяной, земной, Холодный и благословенный воздух* (А. Тарковский “Полевой госпиталь”). (При этом большинство контекстов с этими предикатами, кроме предиката *плавать*, характеризуют образную ситуацию “пойманная рыба; рыба в сети; рыба без воды”).

В художественной речи повторяется общезыковое устойчивое сравнение *молчать (нем)*, как *рыба*, однако при этом оно часто обновляется или преобразуется: используются дериваты слов *молчать* и *немой*: *молчаливый, молчание, неметь*, их синонимы, например, *безгласный*: *Отец мой также давно уже заметил, что я очень похудел, что я, вопреки прежней моей хорошей привычке, почти ничего не ел, не принимался за книги и был **молчалив** как **рыба*** (О. Сомов “Сватовство”), *Уже не прежде, как чрез несколько минут после быстрого побега красавицы, он очнулся, будто от тяжкого сна, и, **безгласен** как **рыба**, пошел со мною далее* (О. Сомов “Роман в двух письмах”), *В **рыбьем молчании** студентов отчетливо звучит голос профессора, каждый вопрос его вызывает грозные окрики глухого голоса* (М. Горький “Мои университеты”), *Если б номер газетный не прибыл, Если б говор*

газетный иссяк, Я, наверно, **немел** бы, как **рыба**, Не узнав, не прочтя, что и как (Б. Слуцкий “Газеты”).

Сравнения с образом рыба и метафорический эпитет рыбий регулярно используются при характеристике внешнего облика человека. Они характеризуют **глаза**: *Добрые **рыбы** **глаза** его заспаны и ленивы* (Б. Садовской “Петербургская ворожея”), ***Глаза** у него были **рыбы**, вареные* (Е. Замятин “Уездное”); **рот (губы)**: *<...> он брал кусок конины своей короткой ручкой, макал ее в кровь и совал в свой **рыбий рот**, глотал и облизывал пальцы* (И. Бунин “Идол”), *<...> Саул был агрессивен, безжалостен и приехал сюда неспроста. Касьян привез его, чтобы он пощупал здесь воздух своими не ошибающимися **рыбьими губами*** (В. Дудинцев “Белые одежды”); **зубы**: *Маленький полуоткрытый рот с **рыбьими зубами**; сжатый, орлиный нос, выдающийся подбородок, покрытый беловатым пухом* (И. Тургенев “Стихотворения в прозе”), **лицо**: *Классная дама, в темно-синем платье, со множеством перламутровых пуговиц на груди и с **рыбьим** холодным **лицом**, давно уже глядит на него издали тупым, ненавидящим взором мутных глаз* (А. Куприн “Юнкера”), **спину**: *Шура с берега, тоже уж раздетая, беззвучно смеялась, упершись руками в колени, страшным, выпученным Женькиным глазам, и от смеха вздрагивали на ее узкой **рыбьей спинке** две тугие недлинные русые косички, перевязанные синей ленточкой* (С. Сергеев-Ценский “В грозу”). Наиболее последовательно в русской художественной речи посредством эпитета рыбий определяются глаза человека.

Компаративные тропы с образом сравнения рыба могут характеризовать и внешность человека в целом, при этом актуализируются такие признаки, как гладкий, гибкий, жирный, крепкий, плотный: *<...> спросила она, став перед ним и оправляя прическу, – **гладкая, гибкая**, точно большая **рыба*** (М. Горький “Жизнь Клима Самгина”), *Наклонив голову, к свидетельскому столу, пробежала, трясясь, **жирная** женщина без шеи, похожая на **рыбу**, всунутую в сюртук* (И. Бабель “Суд (Из записной книжки)”), *С недоумением смотрит невысокая, **плотная**, как **рыба**, девка* (И. Бунин “Жизнь Арсеньева”), – *Какая она здоровая! – с грустью заметила она, любуясь девочкой. – Вся **крепкая**, как **рыба*** (Д. Мамин-Сибиряк “Хлеб”). Интересно, что эти характеристики используются преимущественно применительно к женщине.

Образ сравнения рыба служит в художественной речи и для психологической характеристики персонажей. С ним связываются такие признаки, как холодность, бесчувствие, апатичность: *Болен ли он, здоров ли, вам все равно, в вас и перемены никакой не заметишь. Точно **рыба**, прости господи, какая! Вам бы вот статуем быть, комнаты украшать собою!* (А. Шеллер-Михайлов “Господа Обносковы”), *В глазах ее этот брак с Макаром Ивановым был давно уже делом решенным, и все, что тогда с нею произошло, она нашла превосходным и самым лучшим; под венец пошла с самым спокойным видом, какой только можно иметь в таких случаях, так что сама уж Татьяна Павловна назвала ее тогда **рыбой*** (Ф. Достоевский “Подросток”), *К чужим любвям они [блондинки] относятся чутко, в своей же собственной любви они холодны, как **рыбы*** (А. Чехов “Руководство для желающих жениться”), *Сперва он начал приходить в дивизионный комитет в качестве гостя и на русском безлюдье среди уже апатичных, как **рыбы**, комитетчиков, конечно, казался совершенно блестящим* (В. Шкловский “Сентиментальное путешествие”).

Метафорический эпитет рыбий используется также в сочетании со словом темперамент: *встречаются люди такой пылкой веры в человека, таких благородных намерений, так уважающие и себя, и тебя... ну, и, конечно, так влюбленно-красноречивые, что надо иметь вот этакий **рыбий** темперамент, как у Ньютки, чтобы не поддаваться соблазну... устоять...* (А. Амфитеатров “Марья Лусьева”).

Образ рыбы варьируется в русской художественной речи при помощи различных определений: *вареная рыба, снулая (уснувшая, сонная, засыпающая, дохлая) рыба, мороженная рыба, сушеная (вяленая) рыба*. При этом чаще подчеркиваются негативные признаки человека: *Увидя перед собою содержателя театра, Мускатицкий опустил глаза свои, тусклые, как у вареной рыбы, и горько зарыдал, повторяя посреди всхлипываний, что его обидели (Д. Григорович “Капельмейстер Сусликов”), Спать он не спал, но и не бодрствовал. Он был как сонная рыба” (Ю. Тынянов “Смерть Вазир-Мухтара”), Но я, признаться, видя сонную “рыбину” в лице профессора N, заразился вялостью от него; и этим огорчил Гершензона, ждавшего от меня, может быть, фиги – в нос профессуре (А. Белый “Между двух революций”), Мертвая ночь за окном; изредка потрескивает мороз, люди сидят у стола и молчат, как мороженные рыбы (М. Горький “В людях”), Игуменья Досифея была худая, как сушеная рыба, старуха, с пожелтевшими от старости волосами (Д. Мамин-Сибиряк “Охонины брови”)*.

Для русской языковой картины мира значимо противопоставление “рыба в воде / рыба без воды”. Эта оппозиция отражается как в общеязыковых метафорах, так и в художественной речи, ср. *В царстве влаги* свободной, как *рыбе*, привольно Фалое (С. Соловьев “Три девы”) – *Ты не поверишь, раз в жизни я была лишена возможности говорить целый час и я чувствовала себя так же скверно, как рыба без воды (А. Будищев “Без оружия”)*.

Как уже отмечалось, наряду с родовым наименованием *рыба* в русской художественной речи широко используются разнообразные видовые обозначения рыб. Их состав постепенно расширяется. Так, в текстах конца XX – начала XXI вв. появляются компаративные тропы с компонентами *пиранья, гуппи*: *Лысого Мэра, мечтающего въехать в Кремль, множества зубастых, как пираньи, журналистов, купленных Мэром, и главное – Прокурора, который открыл уголовное дело о “коррупции в кремлевских верхах” (А. Проханов “Господин Гексоген”), То, что прежде было горячим содержанием жизни, – прозрачные, как аквариумные рыбки гуппи, роженицы с их патологиями и осложнениями, преподавание, в котором Павел Алексеевич умел передавать своим ученикам, помимо технических приёмов, ту маленькую неназываемую словами штучку, которая составляет сердцевину любой профессии, – становилось всё более автоматическим и теряло ценность если не для окружающих, то для самого Павла Алексеевича (Л. Улицкая “Казус Кукоцкого”)*.

Видовые ихтионимы, с одной стороны, имеют те же особенности употребления, что и родовое слово, с другой стороны, проявляют индивидуальные особенности и детализируют разнообразные характеристики человека. Каждое из видовых наименований актуализируют определенный признак или совокупность признаков. Так, при описании внешнего облика человека за каждым из этих ихтионимов закреплены определенные образные характеристики: *каarp – громоздкий, пухлый; карась – маленький, укладистый; судак – крупный, белотелый; корюшка – костлявая; камбала – белотелая, криворотая, округлая; килька – худосочная; сом – мордастый, уса́тый; стерлядь – остроносая, тощая, налим – жирный, мягкий: Его принял сам Щеголев, оказавшийся громоздким, пухлым, очерком напоминавшим карпа (В. Набоков “Дар”), Маленький, укладистый и действительно чрезвычайно похожий на карася, Карась столкнулся с Шервинским у самого подъезда Турбиных (М. Булгаков “Белая гвардия”), <...> тут двигались в виде крупных белотелых судаков массивные толстопузые советники (Н. Лесков “Смех и горе”), Малиновская вкусом – сухая тарань, а костями – колючая корюшка (А. Белый “Крещеный китаец”), Здесь женщины белотелы И холодны, как камбала (С. Марков “Боюсь, что для вас, дорогая...”)*, – *Погоди, Митька! Роешься в девках, как в сору, одна некрасива, друга нехороша, а*

кривороты камбала и достанется (Б. Шергин “У Архангельского города”), Лишь один господин солидный **С худосочною килькой**-женой – Уж совсем, совсем очевидно – Выбрал нимфу с жирной спиной (С. Черный “Уличная выставка”), Подойдя к толстому стеклу, отделяющему дежурку от фойе, Олег взял телефонную трубку для связи с дежурным – **мордастым, усатым, сонным** мужиком, с майорскими погонами. За стеклом он смотрелся, как **сом** в аквариуме (З. Прилепин “Санька”), Горничная, **востроносая** этакая **стерлядь**, швейцарская француженка, пришла убирать комнату (А. Амфитеатров “Марья Лусьева за границей”), Не зря твоя Глафира **тоща**, как **стерлядь**, – это все от тебя! (В. Липатов “Деревенский детектив”), Баба попалась **жирная** и **мягкая**, как **налим** (Вс. Иванов “Бронепоезд № 14.69”).

Видовые ихтионимы, как и слово рыба, детализируют особенности движений человека. Так, образы сравнения **угорь**, **вьюн**, **налим** регулярно сочетаются с предикатами **витья**, **вертеться**, **извиваться**: Прекрасный малый, а пречудак племянник мой. Порою бегают по целым часам нараспашку или, как **угорь**, **вьется** по утренней росе, но когда ему вообразится, что он болен, то чего не накутает на себя для прогулки в самый полдень! (А. Марлинский “Вечер на кавказских водах в 1824 году”), Надежде Осиповне и самой хотелось завить, она кусала платок, и Сергей Львович, не терпевший женского плача, как **угорь вертелся** в повозке (Ю. Тынянов “Пушкин”), Маленький, тщедушный Комовский **угрем вился** в сильных руках, и вдруг, неожиданно силач Сильвер выпустил Комовского из рук, и все опомниться не успели, как тот уже сидел на нем верхом (Ю. Тынянов “Пушкин”), <...> уж всем сдается, что недоступная Сонетка, которая все **вьюном вилась**, а в руки не давалась, что-то вдруг будто ручнеть стала (Н. Лесков “Леди Макбет Мценского уезда”), И измучил я всех – **верчусь**, как **вьюн** (А. Ремизов “Взвихренная Русь”), В толпе, словно **налим**, **извивался** портной Минаков, негромко внушая <...> (М. Горький “Городок Окуров”), Через момент пан Врублевский был поднят на пиках, он **извивался** в воздухе, как на остроге **налим** (В. Шишков “Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1”).

С образом налима связана актуализация такого признака, как ‘скользящий’, что выражается как в глаголах **ускользать**, **выскользать**, так и в прилагательном **скользящий**: Были, конечно, среди нас архаровцы с опытом, уклонялись от оков, **выскользали** из цепких рук, что **налимы** (В. Астафьев “Веселый солдат”), **Скользящий** ты человечиска, Лысов, что твой **налим** (В. Шишков “Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1–2”), Но вот что интересно – как правило, все эти Тонковы бездарны... Правда, ухватить их трудно. **Скользящие**, как **налимы**. Но мы с ними еще поборемся (Д. Гранин “Искатели”).

Кроме образной характеристики движения, видовые ихтионимы в художественной речи передают и другие, достаточно оригинальные, признаки, ср. есть, как акула; проглатывать пищу, как щука; развалиться, как разварная белуга; лежать в ванне, как семга; лежать, как треска; блестеть (сверкать), как сазан, щука: Он [Федор Михеич] перекрестился, вздохнул и начал **есть**, как **акула** (И. Тургенев “Мой сосед Радилов”), Я удил рыбу, катался верхом и в челноке, играл вместе с моим учеником в крокет, купался и **ел** за обедами и за ужинами, как молодая **акула** после долгого поста (А. Будищев “Белая акация”), Когда Марья Петровна ела, то совсем **не жевала**, а **проглатывала пищу**, как **щука**; напротив того, Сенечка любил всякий кусок рассмотреть, разжевать, просмаковать, посыпать разговорцем, и к довершению всего, разрезывал кушанье на маленькие кусочки, а с огурца непременно срезывал кожу (М. Салтыков-Щедрин “Благонамеренные речи”), <...> даже стало ей чудиться, будто свекор ее кличет и говорит ей: “Что же это ты, Платонида, **развалилась**, словно **белуга разварная**! встань же, напой меня, пожалуйста, чаем” (Н. Лесков “Котин доилец и Платонида”), А моя, изволите ли видеть, **лежит** в молочной **ванне**, как

норвежская **семга**, и мечтает о сельскохозяйственной ферме в четыре гектара (А. Н. Толстой “Гиперболоид инженера Гарина”), Жили с год примерно... А чего она забеременела, я не понимаю... **Лежит**, бывало, как **треска** (С. Довлатов “Компромисс”), И, глядя на Якова глазами соучастника, голый, золотистый на солнце, **блестя кожей**, как **сазан** чешуей, офицер снова спросил <...> (М. Горький “Дело Артамоновых”), Так вот, я увижу другое: комната где-то, когда-то будет ярко освещена солнцем, будет синий таз стоять у окна, в тазу будет плясать окно, и Валя будет мыться над тазом, **сверкая**, как **сазан**, плескаться, перебирать клавиатуру воды... (Ю. Олеша “Зависть”), Разрешите, как говорится, на тур вальса? В смысле, танго... Она танцует, разодета, **блестит**, как **щука**... После везешь ее на хату... (С. Довлатов “Зона (Записки надзирателя)”). В компаративных конструкциях, включающих ихтионимы, таким образом, “заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира, соответствующего классифицирующим (таксономическим) предикатам, необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета” [1, с. 17].

Внешний облик разных видов рыб в художественной речи детализируется, при этом в зависимости от конкретного вида рыбы обозначение одной и той же части тела по-разному характеризует человека. Так, глаза леща – круглые, золотистые: Приходили ко мне советчики И советовали, как мне быть. <...> А **глаза** у них были **круглые**, Совершенно как у **лещей** (Б. Окуджава “Советчики”), и волосы у недоутопленника были всегда сырые, точно в них завелась водяная зараза, а **глаза** на безбровый хрящеватой физиономии **золотились**, будто у **леща** (О. Славникова “Бессмертный. Повесть о настоящем человеке”), глаза судака – белые, остекленелые: Белый весь лежит, белей снегу белого, и **глаза белые, остеклели**, как у **судака**... (В. Шишков “Угрюм-река. Ч. 1–4”), глаза окуня – красные: А Мишка Горячкин, позыркивая **красными**, будто у **окуня, глазами**, сидел на лавке нога на ногу, а руки крест-накрест на груди (С. Залыгин “Комиссия”), трески (свежемороженой) – слюдяные: Он научился так спать в тюрьме: **глаза** открыты, но какие-то **слюдяные**, как у **свежемороженой** рыбы **трески** (В. Токарева “Один из нас”). Если характеристика глаз связывается с образами разных рыб, то другие детали внешности в художественной речи закреплены только за отдельными видами, например, нос отмечается только у стерляди: вот Егоров (профессор впоследствии), это – **стерлядка: нос стерлядью**; чернобороденьким помню его; глаза острые, умные; и – любит музыку; видно, что умный, а как к нам придет, сядет перед отцом и уставится **носом стерляжьим** (А. Белый “На рубеже двух столетий”).

В художественной речи наблюдается оппозиция “крупная рыба / мелкая рыба”, в которой регулярно участвуют видовые наименования рыб, например **осетр / пескарь**, **акулы / щуки**, **головли**: Князь <...> тут же объяснил, что чиновник – понятие генерическое, точно так же, как, например, рыба: что есть чиновники-**осетры**, как его сиятельство, и есть чиновники-**пискари**. Бывает и еще особый вид чиновников – чиновник-щука, который во время жора заглатывает пискарей; но **осетры**, *ma chere enfant, c'est si beau, si grand, si sublime*, что на такую мелкую рыбешку, как **пискарь**, не стоит обращать внимания (М. Салтыков-Щедрин “Губернские очерки”), В корпусе было сравнительно лучше, потому что у Буластихи бывал как свой человек и частенько загуливал с приятелями местный частный пристав: присутствие такой большой **акулы** не давало широкого хода в воды ее мелким **щукам** и **головлям** (А. Амфитеатров “Марья Лусьева”).

Другая значимая оппозиция, связанная с употреблением видовых ихтионимов, – “хищная рыба / жертва”, например: <...> в это время из другой волны почти по пояс поднялась над водою Катерина Львовна, бросилась на Сонетку, как сильная **щука** на мягкоперую **плотицу**, и обе более уже не показались (Н. Лесков “Леди Макбет Мценского уезда”).

Посредством видовых наименований рыб в художественных текстах характеризуется не только внешность персонажа, но и особенности его характера, интеллектуальные способности, мировоззрение: Удивляешь ты меня, – такую жизнь вела, у генеральши Рюлиной работала, плотичкою в аквариуме плавала, а все-таки, в самом деле, **наивна**, как молодой **карась**... (А. Амфитеатров “Марья Лусьева за границей”), И любой мудрец И **глуп** и **туп**, как **мерзлая навага** (С. Марков “Ломоносов”), и я подумал, что, наверное, мы все ходим по какому-то кольцу Мёбиуса, где в разных поворотах пространства исчезают для досужего глаза отдельные стороны нашего характера, и выглядим мы со стороны **однобокими, плоскими** как **камбалы**, и за этим непреодолимым для равнодушного чужого глаза барьером бьется наша жизнь, вполне объемная и, к счастью, многосторонняя, и всегда находятся люди, которым все эти грани хорошо видны (А. Вайнер, Г. Вайнер “Лекарство против страха”).

Как и в повседневной речи, образы рыб служат в художественных текстах для передачи идеи множественности, высокой степени тесноты; при этом обычно используются такие названия рыб, как **селетки**, **кильки**, **сардины**, а также **плотва**: Не зная, зачем и куда, вылезали матросы из люка; их хватали, вязали и укладывали, как **селеток** (А. Марлинский “Лейтенант Белозор”), Люди жили как **кильки** в банке, забив каждую щель, каждую норку (Л. Улицкая “Казус Кукоцкого”), Мы спали прижавшись друг к другу, как **сардины**, и, когда одному из нас хотелось повернуться с боку на бок, должны были поворачиваться все двенадцать (Ю. Трифонов “Испанская Одиссея”), Сквозь тройные цепи шел петербуржец лихорадочной мелкой **плотвой** в мраморную прорубь вестибюля (О. Мандельштам “Шум времени”).

Сравнения и метафоры, включающие ихтионимы, могут выполнять в художественной речи функцию оценки, см., например: Во всякое другое время я, конечно бы, запретил вам называть меня “молодым человеком” <...> – Ах ты **пескарь**! – прошептал Вельчанинов (Ф. Достоевский “Вечный муж”), Глядя на Глафиру с робким замиранием сердца днем, он не освобождался от своего томления ночью и думал о том блаженном часе, когда он, ничтожная “ревельская **килька**”, как называл его Бодростин, считавший для него высокою даже любовь жениной горничной, завладеет самою его женой и ее состоянием (Н. Лесков “На ножах”). Компаративные конструкции с ихтионимами часто служат для выражения пренебрежительной или иронической оценки. В функции отрицательной оценки регулярно выступает образ акулы, при этом характеризуемое лицо наделяется разными признаками (алчность, ненасытность, цинизм, хищность и др.): – Цель очень ясна, – почтительнейше докладывал он, – эта женщина, – жена какого-то мещанина, что ли, – принадлежит, по всем вероятностям, к известной категории: **акула**-с, как есть **акула** алчная!.. (В. Крестовский “Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 4”), Последний пугал молодого Алфимова перспективой скандала, и деньги давались ему для пересылки “ненасытной **акуле**”, как называл граф молодую девушку (Н. Гейнце “Самозванец”), Как там в финале фильма беспощадно отчеканила Миранда Пристли, гламурная **акула**, мудрая и циничная редакторша глянцевого журнала? (А. Иванов “Псоглавцы”), Но и обстоятельства первой, явной его жизни менялись на глазах: мелкие пескари новорожденного шоу-бизнеса, которых Юрьев и за людей-то не считал, на глазах выросли в молодых **акул**, зубастых и неуязвимых, какими и являются настоящие акулы животного мира (А. Слаповский “День денег”). Образ осетра используется в русской литературе для акцентирования признака ‘важность, значительность лица’: Этакого **осетра** в жильцы себе заполучила... Да ведь пожить рядом с ним, с миллионером... (Д. Мамин-Сибиряк “Приваловские миллионы”), Гости были важные, – поп, конечно, становой, двое волостных старшин и ещё разные **осетры**, а под окнами сельский народ

собрался, и в нём Мигун весёлый человек (М. Горький “Исповедь”). Примеры собственно положительной оценки, связанной с образом рыбы, немногочисленны.

Результаты

Проведенное корпусное исследование позволяет сделать ряд выводов. Выяснилось, что ихтионимы наряду с собственно зоонимами, которые уже достаточно полно описаны в научной литературе, представляют собой продуктивную группу единиц, участвующих в создании образных обозначений, в частности в реализации образной параллели “Человек – рыба”. Для русской художественной речи характерно разнообразие метафор и сравнений, включающих ихтионимы. Они служат для обозначения различных аспектов поведения человека, его внешности и внутреннего мира. Наряду с общеродовым обозначением – *рыба* – и его дериватами в художественных текстах регулярно используются видовые названия рыб, каждое из которых по-своему характеризует персонажа, повествователя или лирического героя. Компаративные тропы с рассматриваемыми компонентами представлены как в русской прозе, так и в поэзии. Они регулярно употребляются в составе различных синтаксических конструкций, в частности, сравнительных конструкций с союзом *как*, сравнений-приложений, метафорических конструкций разных типов. В рассматриваемых компаративных тропах у ихтионимов выявляется в художественном тексте “культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации” [14, с. 15].

Обсуждение результатов

Анализируемый материал показал, что ихтионимы в русской художественной речи чаще используются в составе сравнений. Метафоры представлены меньшим числом примеров, при этом они последовательно носят оценочный характер. Компаративные конструкции, включающие ихтионимы, активно используются в русской литературе XIX – XXI вв., при этом употребляются неравномерно. Можно отметить идиостилевые особенности в употреблении метафор и сравнений с рассматриваемыми компонентами. Так, в произведениях Лескова отмечаются разнообразные компаративные тропы, содержащие образы рыб и выделяющие различные основания для сравнения с человеком, например: *У другого окна целая группа: шилистая, востроносая щука в кавалерийском полковничьем мундире полусидела на подоконнике, а перед нею, сложа на груди руки, вертелся красноглазый окунь в армейском пехотном мундире* (“Смех и горе”), *Сам ревизор был живое подобие уснувшего ерша: маленький, вихрястенький, широкоперый, с глазами, совсем затянутыми какою-то сонною влагой* (“Соборяне”), *Рот у него тогда становился черный и круглый, как у сжатого за жабры окуня* (“Умершее сословие”). Та же тенденция наблюдается в прозе Салтыкова-Щедрина, в которой образы рыб часто используются для социальной характеристики изображаемых персонажей: *Чиновничий ход начался только через полчаса. Сперва повалили гольцы, пискари и плотва <...> Гольцы и пискари шли резво, играючи; плотва брела сонно, словно уверенная, что крючка ей не миновать. Потом движение перемежилось, и уже в одиночку потянулись головли, караси, лини и прочая чиновничья бель* (“В среде умеренности и аккуратности”). Компаративные тропы с ихтионимами продолжают достаточно активно использоваться в современной русской прозе и поэзии, при этом в их составе появляются новые элементы.

Заключение

Для русской художественной речи характерно богатство метафор и сравнений, включающих образы рыб. Эти компаративные тропы варьируют и актуализируют различные признаки изображаемых лиц и ситуаций. Метафоры и сравнения с ихтионимами отражают особенности русской языковой картины мира. Характерно, что в их составе преобладают названия рыб, издавна известных носителям языка. “Жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и культурной (материальной и духовной) реальности. На этом основании в образы фразеологизмов

“попадают” те вещи, явления, исторические события, названия природных реалий, животных, растений, имена людей и т.п., которые <...> значимы в жизни данного нврада” [4, с. 14]. Метафоры и сравнения в художественной речи, так же, как и фразеологизмы, характеризуются избирательностью и национально-культурной детерминированностью в отборе образов. Названия рыб в составе компаративных конструкций наделяются устойчивыми признаками, которые используются для образной характеристики человека (например, холодность, вертлявость, скользкость и др.). Обозначения рыб в компаративных конструкциях вступают в оппозиции, значимые как для общезыковой картины мира, так и для метафорической картины мира в художественном тексте. Метафоры и сравнения, включающие образы рыб, в художественной речи служат для образной характеристики не только человека, но и других реалий и явлений. Эти группы компаративных тропов требуют дальнейшего изучения.

Список источников и литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Василенко А. П. Общее и частное в типологии компонентов-ихтионимов (на материале русской и французской фразеологии) // Научно-методический электронный журнал “Концепт”. 2014. Т. 20. С. 1921–1925.
3. Гудков Д. Б. Люди и звери: русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе : лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020. 200 с.
4. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: URSS, 2019. 395 с.
5. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 254 с.
6. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. М.: Языки слав. культур, 2010. 512 с.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) : сайт. М., 2003–2020. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.10.2020).
8. Огдонова Ц. Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Огдонова Цырена Цыцыковна. Иркутск, 2000. 162 с.
9. Петрова З. Ю. Зооморфные метафоры и сравнения в современной русской прозе // Slavica. 2020. Vol. 49. P. 50–66.
10. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков [и др.]; под ред.: И. В. Захаренко [и др.]. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
11. Рыжкина О. А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке: в сопоставлении с английским : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рыжкина Ольга Александровна. Новосибирск, 1979. 329 с.
12. Смирнова Л. Г. Люди и звери. Наименования животных как оценочная характеристика человека в русском языке // Русский язык за рубежом. 2009. № 5. С. 48–55.
13. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1981. С. 109–172.

14. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Минск: Універсітэцкае, 1994. С. 13–15.
15. Туралина Н. А. Анимистическая метафора в авторском художественном дискурсе // Вестник Тверского гос. пед. ун-та. 2008. Вып. 2 (76). С. 50–52.

References

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. *Teoriya metafor*. Moscow: Progress Publ., 1990. Pp. 5–32. [In Russian].
2. Vasilenko A. P. Obshcheye i chastnoye v tipologii komponentov-ikhtionimov (na materiale russkoy i frantsuzskoy frazeologii) [The common and particular items in the typology of ichthyonym (based on Russian and French phraseologies)]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"*, 2014. Vol. 20. Pp. 1921–1925. [In Russian].
3. Gudkov D. B. *Lyudi i zveri: russkiye pretsedentnyye imena i zoonimy v natsional'nom mife: lingvokul'turologicheskiy slovar'* [People and Animals. Russian Precedent. Names and Zoonyms in the National Myth. *Linguoculturological dictionary*]. Moscow: LENAND Publ., 2020. 200 p. [In Russian].
4. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antroponimicheskiy kod kul'tury* [Linguocultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings: Anthroponymic Code of Culture]. Moscow: URSS Publ., 2019. 395 p. [In Russian].
5. Kozhevnikova N. A. *Slovoupotrebleniye v russkoy poezii nachala XX veka* [Word. Usage in the Russian Poetry of the Early 20th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 254 p. [In Russian].
6. Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. *Materialy k slovaryu metafor i sravneniy russkoy literatury XIX – XX vv. Vyp. 2: Zveri, nasekomyye, ryby, zmei.* [[Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the 19th – 20th centuries. Issue 2: Animals, insects, fish, snakes]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 512 p. [In Russian].
7. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYA)* [Russian National Corpus]. Moscow: 2003–2020. URL: www.ruscorpora.ru (accessed: 30 October 2020). [In Russian].
8. Ogdonova Ts. Ts. *Zoomorfnaya leksika kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira : diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01* [Zoomorphic vocabulary as a fragment of the Russian linguistic picture of the world: Thes. ... Cand. Philol. Sciences]. Ogdonova Tsyrena Tsytsykovna. Irkutsk: 2000. 162 p. [In Russian].
9. Petrova Z. Yu. *Zoomorfnyye metafor i sravneniya v sovremennoy russkoy proze* [Zoomorphic metaphors and similes in the modern Russian prose]. *Slavica. Issue 49*. Debrecen University Press: 2020. Pp. 50–66. [In Russian].
10. *Russkoye kul'turnoye prostranstvo: lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian cultural space. *Linguoculturological dictionary*]. Moscow: Gnozis Publ., 2004. 318 p. [In Russian].
11. Ryzhkina O. A. *Sistemnoye issledovaniye zoomorfizmov v russkom yazyke: v sopostavlenii s angliyskim : diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01* [Systemic study of zoomorphisms in the Russian language (in comparison with English): Thes. ... Cand. Philol. Sciences]. Moscow, 1979. 329 p. [In Russian].
12. Smirnova L. G. *Lyudi i zveri. Naimenovaniya zhivotnykh kak otsenochnaya kharakteristika cheloveka v russkom yazyke* [People and Animals. Names of Animals as Attitudinal Characterizing of a Person in Russian]. *Russkiy yazyk za rubezhom. Issue 5*, 2009. Pp. 48–55. [In Russian].

13. Telia V. N. Metaforizatsiya i yeye rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira [The role of the human factor in language. Language and picture of the world]* Moscow: Nauka Publ., 1981. Pp. 109–172. [In Russian].
14. Telia V. N. Nominativnyy sostav yazyka kak ob"yekt lingvokul'turologii [The nominative composition of the language as an object of linguoculturology]. *Natsional'no-kul'turnyy komponent v tekste i v yazyke*. Minsk: Universitetskay Publ., 1994. Pp. 13–15. [In Russian].
15. Turanina N. A. Animisticheskaya metafora v avtorskom khudozhestvennom diskurse [Animistic metaphor in an author's art discourse]. *Vestnik Tverskogo gos. ped. Universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]* Issue 2 (76). 2008. Pp. 50–52. [In Russian].

Сведения об авторах

Николина Наталия Анатольевна –
кандидат филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Московского педагогического
государственного университета
(e-mail: ruskafedra314@gmail.com).

Петрова Зоя Юрьевна –
кандидат филологических наук, ведущий
научный сотрудник Отдела корпусной
лингвистики и лингвистической поэтики,
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
(e-mail: zoyap@mail.ru).

Information about the Authors

Nikolina Nataliya Anatolyevna,
PhD in Philology, Professor of the
Chair of Russian Language of the
Moscow State University of Education
(e-mail: ruskafedra314@gmail.com).

Petrova Zoya Yur'evna,
PhD in Philology, Leading Researcher,
Department of Corpus Linguistics and
Linguistic Poetics of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute of RAS
(e-mail: zoyap@mail.ru).